

В.В. Козловский, И.Д. Осипов

СИНТЕЗ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ В ТРУДАХ НИКОЛАЯ КАРЕЕВА

Universitas omnium literarum.

Немало даровитых ученых трудились в Санкт-Петербургском университете и составило его славу. Среди наиболее известных в блестящей плеяде университетских ученых — академик Николай Иванович Кареев. Он, прежде всего, ученый с большой буквы, и главный мотив его творческого долголетия заключался в исследовательском подвижничестве. По итогам кропотливых библиографических изысканий обнаружено более 600 его научных и учебных работ по истории, социологии, философии, праву, политике, филологии. Большая часть капитальных трудов ученого, к сожалению, не переиздана и не известна современному читателю. Заслуги его в различных отраслях социального и гуманитарного знания несомненны и отмечены тем, что в 1910 г. он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, а в 1929 г. — почетным академиком Академии наук СССР. Избирался он и членом зарубежных научных обществ, в частности Краковской Академии наук. Кареев избегал политических страстей, столь присущих российской интеллектуальной элите на рубеже XIX – XX столетий. Однако ему поневоле пришлось войти в активную политику, принять живейшее участие в обсуждении злободневных политических и общественных проблем. Целью его жизни было служение идее человечества, представшей в его трудах в качестве логоса истории, непрерывно творимого и обновляемого людьми. Кареев исповедовал принцип личностного воплощения истории в социокультурной среде, которая в свою очередь становилась действенным инструментом индивидуальной деятельности. Этот принцип был глубинным мотивом его неустанных интеллектуальных поисков, всемерной популяризации накопленных знаний в средней и высшей школе.

Выдающийся ученый и педагог Н.И. Кареев родился 7 декабря 1850 г. в Москве*. В 1869–1873 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1879 г. успешно защитил в Московском университете магистерскую диссертацию под названием «Крестьяне и крестьянский воп-

*Биографические материалы о Н.И. Карееве см.: [1; 2].

Козловский Владимир Вячеславович (р. 1954) — доктор философских наук, профессор факультета социологии СПбГУ.

Адрес: 193060, С.-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд. Факультет социологии СПбГУ.
Тел.: 271-92-23; e-mail: vvk@soc.pu.ru

Осипов Игорь Дмитриевич (р. 1948) — доктор философских наук, доцент философского факультета СПбГУ.

Адрес: 194356, С.-Петербург, ул. Хошимина, д. 5/1, кв. 345.
Тел. (дом.): 592-03-20

рос во Франции в последней четверти XVIII века». Диссертация вызвала большой интерес ученых, рецензии на нее появились как в России, так и за рубежом. Примечателен отзыв К. Маркса, который в письме М.М. Ковалевскому назвал работу Н.И. Кареева превосходной. Диссертация Кареева по праву вошла в классику исследований о французской истории. Затем началась научная и преподавательская карьера. После защиты, 29 лет от роду, он приступает к любимому делу всей своей жизни — преподаванию. В течение пяти лет Кареев работает профессором кафедры всеобщей истории Варшавского университета. В 1884 г. он успешно защищает в Московском университете докторскую диссертацию на тему «Основные вопросы философии истории». Уже в январе 1885 г. в возрасте 35 лет он с семьей переселился в Санкт-Петербург, где начался, по словам Кареева, «сплошной петербургский период, в котором разве только и можно различать первое мое профессорство в университете от 1885 до 1899 года, годы изгнания из университета (1899–1906) и второе профессорство...» [1, с. 174]. Это признание можно сопоставить с интересным наблюдением о привязанности Н.И. Кареева к Москве. В литературе отмечается, что «хотя так сложилась судьба, что Кареев почти пятьдесят лет своей научной и преподавательской деятельности провел в Петербурге, Петрограде и Ленинграде (1885 — 1931 гг.), он сам считал себя всегда москвичом» [3, с. 21]. Полагаем, нет необходимости считать Кареева москвичом или петербуржцем. Он принадлежал российской науке, и в северной столице реализовал свой блестящий талант историка, социолога, философа истории.

Не просто складывалась его преподавательская карьера. Вначале из-за проволочек с прохождением на место профессора он долгое время работал в качестве приват-доцента и только с конца 1886 г. стал профессором историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Именно здесь Кареев разработал и прочел свои фундаментальные курсы по истории Западной Европы, впервые в 1896—1897 гг. читал курс социологии, которая официально не поддерживалась и даже считалась предосудительной наукой. В отличие от спокойной профессиональной биографии какого-нибудь немецкого ученого, по суждению А. Дживилегова, жизнь русского ученого протекает гораздо сложнее [4, с. 325]. В жизни русского ученого мирные переходы из одного университета в другой случаются редко. Чаще они проходят в виде изгнаний из университета или пребывания в тюрьме либо в крепости. И все лишь потому, что ученый не смолчал, а высказал открыто свое мнение по поводу каких-либо вопиющих фактов. Кареев не был исключением. В 1899 г. он без прошения был уволен из числа профессоров Императорского университета и Высших женских курсов. Вместе с ним был из университета уволен и приват-доцент историко-филологического факультета, впоследствии профессор университета И.М. Гревс. Необоснованное устранение Кареева от преподавательской деятельности вызвало негативную реакцию декана историко-филологического факультета академика П.В. Никитина, пытавшегося защитить Кареева и в своей служебной записке на имя начальства рекомендовавшего его как чрезвычайно ценного преподавателя и талантливого ученого, пользующегося уважением коллег и студентов. Однако отстоять Кареева не удалось.

К счастью, он не был совсем лишен преподавательской деятельности и продолжал читать лекции в Александровском лицее, а вскоре был принят профессо-

ром в Политехнический институт, где работал вплоть до 1917 г. В должности профессора историко-филологического факультета Санкт-Петербургского (Петроградского) университета он был восстановлен в 1906 г. и трудился там до 1923 г. Помимо этого с 1910 г. он был избран деканом словесно-исторического отделения Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Таким образом, научная и преподавательская карьера Кареева в течение 38 лет (включая семилетний перерыв) непосредственно связана с Санкт-Петербургским университетом.

Кареев был ученым европейского уровня. Ареной его кипучей деятельности служило не только российское научное сообщество. Мало того, что он активно поддерживал и начинал разного рода научные дискуссии в России. Он участвовал и в международных форумах, был одним из руководителей Международного социологического института в Париже. Его многогранная научно-общественная активность поражает. В первый период его работы в университете он инициировал создание Исторического общества при Санкт-Петербургском университете и с момента его создания в 1889 г. являлся в течение десяти лет его председателем, а также неизменным редактором «Исторического обозрения», в 1913 г. стал основателем и редактором «Научно-исторического журнала». Он был одним из соучредителей и активных участников деятельности основанного в декабре 1916 г. Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского, которое вскоре, к сожалению, было распущено и воссоздано лишь недавно в 1993 г. при Санкт-Петербургском государственном университете.

Общественная активность Кареева до 1900 г. ограничивалась рамками Литературного фонда и обществами, имеющими отношение к студенческой и преподавательской среде. Затем поприще его публичной деятельности раздвинулось. Он стал гласным Городской думы, принимал участие в различных политических манифестациях. Политическая активность Кареева отмечена отправкой в Петропавловскую крепость за подпись под известным обращением литераторов и общественных деятелей к министрам накануне январских событий 1905 г. Наконец, вершиной политической карьеры Кареева стало избрание его депутатом I Государственной думы, куда он вошел в составе списка конституционно-демократической партии.

В течение 46 лет Кареев жил и трудился в Санкт-Петербурге. Скончался он 18 февраля 1931 г. в Ленинграде и похоронен на православном Смоленском кладбище.

В ряду превосходных работ русских историков, социологов и философов XIX — начала XX в. труды Н.И. Кареева выделяются систематическим изложением европейской истории, обостренным вниманием к методологии и гносеологии исторической науки, разработкой оригинальной философии истории. В творчестве «старшины русских историков» Кареева органично слились широта взглядов на историю с социологическими, филологическими и философскими познаниями. В своих исторических сочинениях, среди которых особое место занимает семитомная «История Западной Европы в новое время» (1892–1917) он исследует самые разнообразные стороны европейской жизни: культурные и социальные отношения, внутреннюю и внешнюю политику, международные связи, историю церкви и просвещения, социально-политические движения новейшего времени и развитие экономического строя. Кареев «выступил в защиту той философии истории, которая не занимается разысканием законов, а пользуется

законами психологии и социологии для философского изображения всемирной истории» [5, с. 42]. Сам интерес Кареев к проблемам социологии не был случайным, уже в молодости появились его первые статьи, посвященные проблемам социологии: «Наука о человечестве в прошлом и настоящем» (1875), «Расы и национальности с психологической точки зрения» (1876), «О субъективизме в социологии» (1880). В докторской диссертации «Основные вопросы философии истории» (1883) и самой важной по собственному признанию для него работе «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1890) исторические проблемы изучались в тесной связи с социологическими вопросами. В последующем эти вопросы были выделены и систематически исследованы в обобщающих трудах «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (1896), «Введение в изучение социологии» (1897), «Историология» (1915), «Общие основы социологии» (1919). В своей совокупности эти работы положили начало отдельной области социального знания, находящейся на стыке социологии, философии и истории — исторической социологии, или социологии истории.

Примечательно то, что энциклопедические и, без сомнения, фундаментальные познания Кареева, были тесно связаны с запросами общественной и идейной жизни; в его работах, журнальных и газетных публикациях давались исчерпывающие ответы на многие интересующие русское общество вопросы. Он воплотил в своем творчестве не столько модель *ученого-просветителя*, хотя его деятельность на поприще популяризации социальных и исторических знаний была огромна, сколько модель *активного изыскателя* основ общественной жизни на новых, отвечающих отдельной личности началах. Для России рубежа XIX – XX столетий это была злободневная задача. Встав на путь модернизации, русское общество и в художественной литературе, и в искусстве, и в общественной мысли искало нравственную опору индивидуальной автономии и свободы. Оправдание субъективного принципа в истории было существенным подспорьем в развитии этико-социологической школы. Кареев важнейшими принципами русской социологии считал признание ею психической основы общественных явлений, взгляд на значение личности и защиту субъективного отношения к общественным явлениям [6, с. XIV].

В 1884 г. в лекции о духе русской науки, которую Кареев прочитал в Варшаве, он отметил такую особенность русской мысли как восприимчивость к чужим идеям: «Наше историческое воспитание не позволяет нам коснуться на какой-нибудь односторонней точке зрения: оно сделало нас особенно способными к усвоению чужих идей, приучило черпать идейный материал отовсюду, заставляет совершать синтез разнообразных точек зрения, а вместе с тем приводит к исканию более широкого понимания общественной роли науки, которое устраняло бы занятие наукой только из-за мимолетной злости дня или ученого любопытства, ставя ему целями жизнь и знание», — писал он [7, с. 15 – 16]. **Универсализм и склонность к синтезу социогуманитарного знания** особенно заметны в мировоззрении самого Кареева, творчески переработавшего богатейшее наследие европейской и отечественной исторической, философской и социологической науки. Среди тех, кто был идейно ему близок, следует в первую очередь назвать знаменитого Т.Н. Грановского, о нем Кареев написал одно из лучших исследований. Научные концепции выдающихся историков России объединяли *всемирно историческая точка зрения* и принцип *культурного универсализма*, ставший методологической осно-

вой школы отечественных историков Б.Н. Чичерина, А.С. Лаппо-Данилевского, М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградова [8; 9]. Историческое миросозерцание Кареева имеет много общего с универсализмом учения о Богочеловечестве В.С. Соловьева, а также с исторической онтологией А.Н. Толстого, с которым он был солидарен в том, что в жизни существуют две стороны: личная, тем более свободная, чем отвлеченней ее интересы, и роевая, стихийная, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. В исторических трудах Кареева развиты и идеи историософии Д. Вико, ставившего своей целью создание объективной исторической науки как целостного исследования сознания человечества о собственной деятельности. «Впервые представление о некоторой идеальной истории, лежащей якобы в основе всякой действительной истории, было высказано в "Новой науке" итальянского мыслителя Вико в начале XVIII в.», — писал Кареев [6, с. 7]. Историология является особой наукой, находящейся на стыке истории и социологии. Она отличается как от философии истории, которая ставит своей целью найти смысл изменений в жизни человечества, так и от историософии, т.е. философской теории исторического знания и исторического процесса. Историология имеет своим предметом исторический процесс, взятый безотносительно к пространству и времени, а также вопросы исторической эпистемологии, рассмотренные с общесоциологической точки зрения.

Универсализм исторической социологии Кареева нашел свое проявление на теоретическом и ценностном уровнях. На теоретическом уровне изучение истории давало ему возможность найти конкретное, фактическое и эмпирическое подтверждение ведущей роли субъективного человеческого начала и, одновременно, требовало от него учета широкого жизненного контекста, той самой надисторической среды, которая определяла характер отношения массовости (общественности) и индивидуальности. По этой причине для него столь значим универсализм, синтезирующий элементы гуманитарного и социального знания в общую конструкцию исторической социологии. Кареев был убежденным защитником связи философии, истории и социологии как взаимодополняющих наук. В поисках новой методологии исторического познания ученый стремился к преодолению конто-гегелевского историцизма и детерминизма экономического материализма. Это делалось на основе выявления объективных и субъективных, духовных (психологических) и социокультурных факторов исторического процесса, единства исторической и социальной реальности, традиции и творчества. Развивая методологию классической позитивистской социологии, Кареев показывал ограниченность контовского закона трех стадий, который, по его мнению, — частный закон, характеризующий только умственное развитие, но не охватывающий многообразную историю экономической, социальной и политической эволюции общества.

Критическому анализу другой модной социологической концепции — материалистического понимания истории — Кареев посвятил свою работу «Критика экономического материализма: старые и новые этюды». В ней он проводил принципиальное различие между относительной истинностью обоснования Марксом важной роли экономического быта народов в формировании цивилизации и неоправданной экстраполяцией принципа экономического детерминизма на всю сферу общественных отношений. Согласно Карееву, марксисты односторонне трактовали природу человека и общества, сводя ее только

к экономическим условиям. Он считал, что в развитии и функционировании общества участвуют как материальные, так и духовные предпосылки: психологические, правовые и культурные факторы. Ученый с позиции научного реализма отстаивал более глубокое и всестороннее понимание общества во всем многообразии его отношений и выступал против утверждения марксистов о коммунизме как внезапном перерыве постепенности — «скачке из царства необходимости в царство свободы». «Нельзя утверждать, — писал Кареев, — что до какого-то момента в истории господствует одна необходимость, а с какого-то начинает господствовать одна свобода. Исторический процесс — это процесс постепенного уменьшения необходимости и постепенного же увеличения свободы» [10, с. 31]. Свой взгляд на марксизм Кареев не изменил и в последующем, о чем он пишет И.М. Гревсу 23 июля 1927 г., высказываясь по поводу рецензируемой им книги Н.И. Бухарина [11].

Проблема изучения социальной динамики требовала ответа на вопрос: является ли история результатом саморазвития общества или же она итог творческой деятельности личности? Историология строится на следующих *постулатах*: а) законосообразности и изменяемости (эволюционизма) истории; б) плюрализма факторов исторического процесса; в) признания активности субъекта исторического творчества; г) синтеза социологического и исторического анализа; д) формулы прогресса. В историологии раскрывается внутренний механизм исторического процесса и представлено понимание истории как органической целостности, дифференцированно проявляемой на различных этапах человеческого прогресса и на разных уровнях человеческого общежития. Механизм истории сводится к взаимодействию людей под влиянием среды и к взаимодействию элементов среды в результате деятельности людей. При этом онтологической единицей исторического бытия личности и общества является *творческая культурная деятельность*, возникшая из взаимодействия личности и надорганической среды (культуры и социума). История оказывается в значительной мере итогом творческих усилий личности, сознательных либо бессознательных действий социальных групп, образующих преемственность и новацию в историческом процессе. Различая прагматическую историю, которую Кареев сводил к повествованию о деяниях, действиях и событиях, а также культурную историю, описывающую внешний быт, образованность и гражданственность народов, он писал при этом, что «прагматизм и культура... представляют из себя две стороны одного и того же исторического процесса, постоянно находящиеся во взаимодействии» [12, с. 5]. Ключевую роль в данном взаимодействии играет личность. Личность, проявляя свободную волю и инициативу, высвобождалась из рутины господствующих в повседневности стихийных и бессознательных роевых сил истории. Случайная творческая деятельность личности, согласно Карееву, отклоняясь от устоявшихся культурных форм, при благоприятных условиях могла закрепиться и повлиять на последующее развитие культуры. Тем самым личность потенциально способна выявить в своем творчестве различные тенденции исторического прогресса. Развитие культуры и исторический процесс происходят по законам эволюционной эпистемологии, когда новация рождается путем «собирания» элементов культуры вокруг общего генетического «принципа». Свои выводы ученый обосновал, анализируя развитие политических и экономических институтов, процессы образование языка и формирования правовых норм. Тем

самым историология, раскрывая механизмы трансформации и взаимовлияния культур, в определенной мере предвзяла открытия культурной генетики.

Важнейшей категорией философии истории Кареева является формула прогресса, исследуемая как с нормативной, так и с эпистемологической сторон. С нормативной стороны формула прогресса предлагает нравственный идеал, являющийся душой философии истории и играющий важную роль в противоборстве с «роевым началом» истории. Формула прогресса отвращает от грубого материализма, противодействуя развитию пессимизма и необходима для выявления потенциально жизнеспособных элементов человеческой культуры, тех тенденций, которые развивают общество несмотря на все социальные катаклизмы. Социальная онтология Кареева исходила из того, что создание общественных идеалов и их реализация предполагают незавершенность и бесконечность данного процесса. В данном понимании формулы прогресса проявлен этицизм и «полупозитивизм» (В.В. Зеньковский) классической школы русской социологии П.А. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова. Вместе с тем формула прогресса Кареева является не только общественным идеалом, но имеет и гносеологический смысл, способствуя углубленному познанию социальной реальности. Формула прогресса — не абстрактный план, априори задающий ход развертывания истории, а гипотетическое построение законов истории, основанное на внесении в научное исследование духовной и общественной эволюции объединяющего принципа — цели эволюции. Формула прогресса, т.е. рационально сформулированная цель социальной эволюции способствует сознательной организации необходимых интеллектуальных и материальных ресурсов развития общества.

Принципиальную роль в раскрытии существа формулы прогресса играет социология, которая позволяет выяснить принципиальные моменты эволюции человеческого прогресса, открыть объективные законы социальных явлений. Это требует ее освобождения от метафизического и спекулятивного подходов в исследовании общества и использования научных, т.е. объективных методов изучения общества. Ученый считает, что социологии следует стать самостоятельной научной дисциплиной, ее задача — открытие общих законов, управляющих социальными явлениями, формулирование конкретных научных рекомендаций. «Основные теоремы в социологии должны доказываться средствами самой этой науки или других наук, изучающих мир явлений» [12, с. 388].

Специфика социологии в ряду гуманитарных наук заключается в том, что она подходит к исследованию общества с позиции «консенсуса» — взаимосвязи, взаимообусловленности общественных явлений, поиска тех понятийных и ценностных аспектов социальности, которые создают общее культурное поле человечества. По мнению Кареева, социолог отличается от других гуманитариев своей склонностью к культурному и мировоззренческому синтезу. Следовательно, универсализм входит в сам контекст социологического знания, а это требует, чтобы лицо, занимающееся социологией, обладало энциклопедическим образованием и было сведущим в других гуманитарных науках, в частности, статистике, географии. Ученый указывал и на необходимость для социологии индивидуальной и социальной психологии, отмечая, что социолог должен раз и навсегда отрешиться от чисто интеллектуального психологизма, поскольку в создании общественных явлений видную роль играют также эмоциональ-

ные и волевые стороны психической природы человека. Необходимо изучать материальные условия человеческой жизни, образуемые как внешней природной средой, так и потребностями людей. В целом социология нуждается и в абстрактно-теоретических построениях, и в конкретно-исторических исследованиях, равно как и в эмпирических обобщениях, требующих рационального обоснования, чтобы стать научными законами, и в формулах дедуктивного происхождения, требующих фактической проверки для того, чтобы иметь право также называться научными законами.

Однако первостепенное значение для социологии, согласно Карееву, имеет история, которая как наука конкретная находит свое дополнение в социологии — науке абстрактной. Историческая наука необходима социологии, так как изучение социальных явлений требует раскрытия не только взаимосвязи явлений, но и их генезиса, анализа предпосылок явлений, обнаруживаемых в прошлом. «Само исследование современных социальных явлений может дать настоящие плоды при условии изучения не только взаимной связи между этими явлениями, но и породивших их причин в прошлом, равно как и тех следствий, которые должны обнаружиться лишь тогда, когда сами эти явления сделаются фактами прошлого», — пишет он [6, с. 43]. Наконец, история обогащает социологию фактами прошлой жизни, и многие явления современности получают свою объективную основу только в связи с обнаружением в прошлом аналогичных фактов. Современность есть становящееся прошлое, а социология — наука о развивающихся явлениях. Следовательно, имеется внутренняя связь между методологией социологии и истории. Кареев при этом оговаривает, что для успешного взаимодействия истории и социологии нужна известная «высота» исторической науки. Последняя, сближаясь с естествознанием и включая методы сравнительного изучения социальных явлений, этнографические наблюдения, исследуя общество в «его строе и быте», сама становится социологией. В этом ей помогает социология, которая «не только оторвала теорию исторического процесса от метафизики и указала ей на особые научные методы для разработки этой задачи, но обособила теоретическое отношение к истории с характером чисто аналитическим от чисто синтетической задачи рассмотрения всемирной истории с философской точки зрения» [6, с. 139].

Кареев стремился в первую очередь поднять уровень исследований и преподавания отечественной и всеобщей истории, теории истории и социологии. Он предложил ряд нововведений в области исторического образования, в частности, по организации учебно-научной деятельности университетов. Кареев был одним из пионеров преподавания социологии в Петербургском университете. С 1893 г. он издавал программы по самостоятельному изучению социологии и сокрушался, что «социология как особый предмет у нас нигде преподается» [6, с. XII]. Кареев пытался провести социологическую тематику в рамках учебного курса «Теория культурного процесса истории», что не устроило министра народного образования И.Д. Делянова. Ему удалось осуществить это намерение в курсе «Исторической энциклопедии» и в общем курсе «Введение в изучение социологии». В 1903 – 1906 гг. Н.И. Кареев по личному приглашению М.М. Ковалевского преподавал в Русской высшей школе общественных наук в Париже.

Теоретический универсализм Кареева выразился и в отношении к философии, признании ее необходимости для исследования общества. Придержива-

ьясь позиции философского реализма и «полупозитивизма», он критиковал социологов, исключаящих философию из комплекса гуманитарного знания. Философия, по его мнению, «сообщает знанию полноту, стройность и целостность» и нужна для создания общей теоретической картины мира. Философия истории изучает исторический процесс отвлеченно, исходя из идеальных целей, а деонтология истории раскрывает человеческий смысл истории. Философия образует и мировоззренческую основу нравственности исследователя, создает необходимый субъективный элемент в научном исследовании. Ценностная точка зрения в науке необходима, и социология «вполне может оставаться на почве науки, внося в теоретический анализ субъективный, этический момент» [13, с. 35].

Стремление внести нравственное начало в структуру исторического и социального знания диктовало Карееву особую эпистемологию отказа от натурацентризма в любой из его форм. Понять научно-философские идеи Кареева можно лишь в сочетании принципов этического персонализма и культурцентризма, которые выражают суть историологического подхода к исследованию социума и личности. Ученый всесторонне раскрывал особенности важнейшей в философии истории категории культуры, которая является «совокупностью постоянных и однообразных повторяющихся его членами мыслей, поступков и отношений в зависимости от психического взаимодействия этих членов и условий общества» [14, с. 78]. Культура — форма надорганической среды, т.е. совокупность духовных и материальных форм и общественного быта, и отличие одной культуры от другой проявляется в языке, идеях, обычаях и технике. Культура выполняет коммуникативную функцию, т.е. функцию обмена информацией между людьми посредством знаков и символов. Для воссоздания в новой форме постоянно разрушаемой целостности своего родового и общественного быта человек нуждается в коллективных символах, воплощенных в культурных формах. С помощью культурных форм человек идентифицирует себя с той или иной национальностью, религиозной конфессией или же неформальной социальной группой. Тип общности, ее система и нормы каждый раз обуславливают качество, границы и основной смысл общения.

Важной функцией культуры, согласно Карееву, также является регулирование социальных отношений, разрешение конфликтов, распространение или, наоборот, запрещение знаний. Религиозные и нравственные нормы, традиции и запреты позволяют сохранить или развить прогрессивные или регрессивные тенденции, формирующие общество. При этом молодому народу приходится бороться с отсутствием у себя цивилизации — дикостью, а старому с культурой, которая может стать консервативной и препятствовать рождению нового качества общества. В понимании культурной трансформации Кареев исходил из эволюционной эпистемологии. Эволюция общества отличается, по его мнению, от органической эволюции взаимовлиянием культурных форм, вносящих изменения в сложившиеся традиции. Общечеловеческая эволюция направлена на сглаживание социальных и культурных противоречий, но существует и объективное препятствие на пути интеграции культур — базис общества, который состоит из совокупности привычек, обычаев, нравов, религиозных верований, объективируемых в политические, юридические и экономические отношения. Не трудно издать новый закон, но проблематичной является его реализация

при данных привычках и воззрениях общества. Возможности культурной трансформации связаны с изменяющейся социальной деятельностью, и «каждую культурную форму надо брать не только в связи с той, из которой она возникла и с той, в которую она превратилась, но и в связи с теми причинами, без участия коих не могло быть изменений, а последние суть человеческая деятельность» [15, с. 79]. Исторический процесс — взаимодействие двух сторон: процесса деятельности людей, подчиненного причинности, и процесса изменчивости, совершаемого постепенно.

В творчестве Кареева нашел свое проявление также ценностный универсализм, отражавший его нравственные и социально-политические взгляды, которые он определял как либеральные [16]. Парадигмы социальной философии Кареева полностью соответствовали философским и ценностным основаниям русского либерализма, таким как универсализм, стремление к осуществлению синтеза власти и свободы, сочетанию свободы личности и равенства, реализации принципа социальной справедливости и защиты частной собственности [17–19]. В целом это совпадало с главной целью развития отечественного либерализма начала XX в.: синтеза либерализма и демократии. Он был единомышленником братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких, В.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка, М.М. Ковалевского, В.М. Гессена в понимании необходимости для России социально-правового государства. Особенно ценно то, что в своих работах он специально останавливался на рассмотрении практически неисследованных этических аспектов либерального учения, разрабатывая по существу этику либерализма и пропагандируя либеральные моральные ценности. В выдержавших несколько изданий и написанных для молодежи книгах «Письма к учащейся молодежи о самообразовании» (1894), «Мысли об основах нравственности» (1895), «Беседы о выработке миросозерцания» (1895), «Мысли о сущности общественной деятельности» (1895), ученый раскрыл свое жизненное кредо, отстаивал дорогие ему идеалы личной свободы и духовного совершенствования, равенства, общественной солидарности, просвещения и цивилизации. «Этическое отношение заключается в признании за каждым человеком личного достоинства и вытекающих из этого достоинства прав», — писал он [20, с. 112]. Принцип культурного индивидуализма состоит, по его мнению, в выработке каждым человеком собственного миросозерцания, признании того, что личность является главным фактором духовного прогресса человечества. Индивидуальная этика становится основой социальной и государственной этики, исторический прогресс исходит из единства власти и свободы, кооперации людей и личного совершенствования. В ряде статей, посвященных реформе высшей школе, а также книге «Идеалы общего образования» (1901) Кареев призывал к тому, чтобы университетское образование, соединяя существенные и наиболее общие знания о человеке и природе с моральным воспитанием, было действительно универсальным и «гуманно-социальным» [21, с. 7]. *Universitas omnium literarum* — писал он. Университетское образование следовало строить на преподавании комплекса гуманитарных наук, в первую очередь истории, социологии и философии. По мнению декана историко-филологического факультета академика П.В. Никитина, «Кареев считал основательное преподавание истории в высшей и средней школе особенно необходимым именно потому, что оно должно отучить нашу молодежь верить тем, кто призывает ее к насилию и переворотам» [22].

Национально-культурный универсализм стал основой для решения Кареевым актуальной для русской социологии проблемы Россия — Запад и преодоления классической парадигмы славянофильства — западничества. Здесь он, используя выражение В.С. Соловьева из «Трех разговоров», был русским европейцем и полагал жизненно важным для России усвоение ценностей европейской культуры. В этой связи, критикуя славянофила Н.Я. Данилевского, он отрицал существование локальных культурных типов в истории. По мнению историка, между культурно-историческими типами всегда происходили пространственные контакты и пробивались «туннели». Существует также генетическая преемственность культур, устанавливаемая в ходе передачи культурных ценностей от одних народов другим, и влияющая на возникновение пространственного и хронологического единства культур. Исторический прогресс сопровождается постоянным международным обменом культурными ценностями, этот процесс неизбежен, естественен и способствует созданию универсальной человеческой культуры. Кареев отмечал, что восприятие нацией иной культурной формы часто является «результатом внутреннего движения данного народа и часто практического применения в определенном направлении». Другими словами, усвоение народом «чужих» ценностей имеет своей предпосылкой наличие объективных и жизненно важных для данного народа потребностей. В случае же «отъединения» народа от общечеловеческого прогресса, он рискует стать «уединенной» цивилизацией, которой грозит гибель. Кареев вместе с тем соглашался с Данилевским в том, что история не подчинена раскрытию провиденциального замысла, ибо в ней отсутствует единый план развития всех наций. Критикуя позицию радикального западничества, он полагал, что всемирно-исторический прогресс действительно вовлекает все народы в универсальный процесс, но в нем каждая нация занимает свое достойное место. Жизненный опыт народов неодинаков и ограничен, но народ именно тогда вносит свою лепту в мировую науку и культуру, когда его ученые и деятели культуры развивают оригинальную точку зрения. Тем самым взаимовлияние культур внутренне связано с развитием личности. Расширение международных социальных и культурных контактов преодолевает естественную косность культурных форм, расширяет возможности проявления свободы и способствует воспитанию целостной личности.

Кареев всемерно отстаивал свои взгляды практически, занимаясь активной общественной деятельностью. Он был председателем Литературного фонда, работал в обществе для оказания помощи студентам Петербургского университета, в Союзе взаимопомощи русских писателей, в 1904–1906 гг. состоял членом Петербургской Городской думы, в основанном в 1905 г. Союзе деятелей высшей школы состоял председателем академической комиссии, разрабатывающей основные вопросы строя и быта высших учебных заведений. Необходимо отметить и собственно политическую деятельность Кареева. Он исполнял обязанности председателя Петербургского комитета конституционно-демократической партии, избирался членом Государственной Думы первого созыва, где защищал «права и достоинства поправной человеческой личности», требовал равенства для всех народов, общественной солидарности, просвещения и цивилизации, призывал строить новую Россию, «которая будет существовать не сама для себя и не для охраны каких-либо исторических традиций — для своих граждан» [23, с. 63].

Историология Кареева имела свои параллели и продолжения в европейской философско-исторической и гуманитарной науке. В первую очередь следует указать на философию культуры Виндельбанда, Риккерта, Дильтея, в которой исходя из специфики ценностных, субъективных аспектов социального познания проводится дифференциация наук о духе и естественных наук. Кареев отмечал, что исследования русских субъективных социологов в этой области предвещали открытия неокантианцев. Х. Ортега-и-Гассет в работе «"Философии истории" Гегеля и историологии» (1928) также изучал возможности и границы историологии, формулируя ее понимание как эмпирической науки об исторической реальности, состоящей из ядра, или аналитики исторического внутри исторического знания, системы гипотез, связывающих аналитику с фактами, доступными наблюдению, области выводов, следующих из гипотез, эмпирической периферии данной науки, т.е. описания и систематизации чистых фактов. Задачей историологии, согласно Ортеге, является выяснение ценности исторических фактов, т.е. их возможности или невозможности в определенной эпохе, народе, расе, человеке, а также непосредственный анализ реальности с целью воспроизводства формы объектов, выявления их принципа и нормы. В основанной в 1920-х годах школе «Анналов» Марка Блока и Люсьена Февра также осуществлялись исследования в рамках синтеза социологии, обществоведения и истории. Наиболее отчетливо данная тенденция представлена в работах Ф. Броделя [24].

Переключек историологии с современными социальными исследованиями достаточно много. К примеру, ей чрезвычайно близка универсально-историческая социология концепция Норберта Элиаса, в которой выявляется личностное начало истории в качестве ведущего принципа. У Кареева именно этому аспекту уделяется наибольшее внимание, ибо в личности он видит воплощение универсально-творческого начала истории. Определенная близость историологии видна и в генеалогическом подходе Мишеля Фуко, позволяющем выявить приращение нового в обществе, сравнивая его с предшествующими пластами исторического развития. Эволюция, понимаемая в духе Кареева как превращение слабо выраженных побочных линий (исторических фактов) в главный исторический процесс, демонстрирует современность его подхода своим отказом от представлений о накапливающейся генеральной линии развития. Законы истории и законы общества сами меняются и потому нельзя программировать ход истории на основе какого-либо одного фактора. Случайность в истории играет важную роль и включается в прогресс в виде многих малозаметных факторов, действующих в общественной эволюции.

Творчество Кареева актуально благодаря постановке им принципиальных для современной гуманитарной науки проблем: специфики историко-социального познания, месте социологии в архитектонике культурных наук, научной этики. В историко-философских и социокультурных исследованиях ученого аргументируется идея наличия в повседневности деонтологической основы, представляющей собственно антропологическую сторону исторического процесса. Здесь Кареев развил тот субъективный элемент социологии Конта, который не был замечен многими последователями французского социолога. Научные гуманитарные исследования включают в качестве своих явных или неявных предпосылок также и этические основания, которые формируются в

сложнейших процессах отражения личностью ученого ценностей общества. Гуманитарная наука тем и отличается от естествознания, что, исследуя универсальные категории социального бытия, берущие свое начало как в традициях народа, так и в общечеловеческой культуре, становится важнейшим условием формирования нравственного человека. Жизнь и творчество самого Кареева были примером единства научного и нравственного принципов, синтеза индивидуального, национального и общечеловеческого, примером следования однажды выбранным жизненным идеалам. «Не хотеть жить дальше, хотя бы для того, чтобы видеть, что из этого выйдет, можно было бы только изверившись в своих идеалах, но им то я остался верен, невзирая на все испытания», — писал он в своих мемуарах [1, с. 294]. Этим словам можно верить, ибо они доказаны всей долгой, честной и плодотворной жизнью ученого — труженика, гражданина своего Отечества.

Литература

1. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
2. Золотарев В.П. Николай Иванович Кареев (1850–1931) // Новая и новейшая история. 1992. № 4.
3. Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.
4. Дживилегов А. Н.И. Кареев // Голос минувшего. 1913. № 12. С. 325.
5. Дьяконов М.И., Лаппо-Данилевский А.С., Янжул И.И. Избрание Н.И. Кареева членом-корреспондентом Российской Академии наук. 17 ноября 1910 г. // Архив РАН. [СПб.] Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14. С. 42.
6. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897.
7. Кареев Н.И. О духе русской науки. Варшава, 1885.
8. Погодин С.Н. Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997.
9. Мягков Г.П. Русская историческая школа. Казань, 1988.
10. Кареев Н.И. Критика экономического материализма: Старые и новые этюды. СПб., 1896.
11. Архив РАН. [СПб.]. Ф. 726. Он. 2. Ед. хр. 134. № 15.
12. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1899. С. 5.
13. Кареев Н.И. Основные направления социологии и ее современное состояние // Введение в изучение социальных наук / Сб. статей под ред. проф. Н.И. Кареева. 2-е изд. СПб., 1903.
14. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. 2. СПб., 1883.
15. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1895.
16. ГБЛ. Ф. 119. П. 44. Ед. хр. 6. Л. 8 об.
17. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: От равенства к свободе. СПб., 1995.
18. Осипов И.Д. Философия русского либерализма: XIX – начало XX вв. СПб., 1996.
19. Щелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
20. Кареев Н.И. Беседа о выработке мирозерцания. СПб., 1895.
21. Кареев Н.И. Всеобщая история в университете // Историческое обозрение. 1891. Т. 3.
22. Никитин П.В. // Архив РАН. Ф. 36. Оп. 7. Ед. хр. 277.
23. Сборник речей депутатов Государственной думы 1 и 2 созыва: Стенографический отчет. Кн. 1. СПб., 1908.
24. Бродель Ф. История и общественные науки // Философия и методология истории. М., 1977.